

Вадим Михайлович МУХАНОВ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра проблем
Кавказа и региональной безопасности МГИМО,
ведущий научный сотрудник Центра
постсоветских исследований ИМЭМО РАН

Для связи с автором: vadim_muhanov@inbox.ru

Закавказье: на пути к очередному взрыву?

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-59-76

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка анализа текущей ситуации в Закавказье, определения основных игроков и ключевых факторов влияния, а также внутривнутриполитического развития отдельных республик и их особенностей. Автор констатирует ситуацию «остывания» региона, который на протяжении 25 лет пребывал в состоянии практически имманентной нестабильности, генерировавшей целую череду внутренних конфликтов. Однако анализ положения дел в каждом из государств Закавказья и учет влияния внешних игроков рисует более сложную картину. Крупные игроки, такие как США и Россия, избегают наращивания своего присутствия в регионе, что открывает широкое окно возможностей для региональных держав, таких как Турция и Иран. На фоне уменьшения интереса мировых лидеров к Закавказью происходит определенное возвращение региона на исторически присущую ему позицию периферии. Этот процесс характеризуется снижением влияния внешних акторов и возрастанием роли внутренних факторов общей нестабильности. Под этим

в первую очередь имеются в виду неурегулированные конфликты, внутренняя весьма нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация, а также особое политическое поведение местных элит. Апрельская война 2016 г. в Карабахе позволяет говорить об окончательном нарушении статус-кво и высокой вероятности новых обострений в зоне карабахского конфликта. Она высветила сложный комплекс проблем, с которыми в последние годы столкнулись Армения и Азербайджан. В обеих странах на фоне ухудшения экономической ситуации наблюдается обострение противостояния по линии власть – общество, а также на внутриэлитном уровне. Схожие процессы развиваются в Грузии. Несколько особняком стоят примеры Абхазии и Южной Осетии, которые представляют собой своего рода периферию периферии и во многом развиваются в отрыве от общекавказской повестки дня. Тем не менее и в этих странах развился сложный комплекс внутренних противоречий, которые периодически прорываются наружу. Все это является важным симптомом серьезного

вызова. Государства, возникшие по ту сторону Большого Кавказского хребта после 1991 г., до сих пор находятся в поиске оптимальных моделей национального развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кавказ, США, ЕС, Россия, Армения, Грузия, Азербайджан, Абхазия, Южная Осетия.

Закавказье находится в постоянном поиске своей позиции в международных отношениях, в системе мировых координат и взаимосвязей. Несмотря на последние потрясения, связанные с апрельской войной в Карабахе и внутренними катаклизмами в Армении, Азербайджане и Грузии, происходит некое «остывание» региона как одного из важных узлов противоречий между Россией, США, Евросоюзом, фоном для которого является выход Ирана из международной изоляции. Плюс к этому, нельзя забывать о последствиях глобального финансового кризиса и изменениях в структуре интересов крупнейших мировых игроков.

В свете влияния различных игроков на ситуацию в регионе следует четко подразделить их на две группы – региональных и глобальных. К первой группе помимо самих закавказских республик принадлежат Турция и Иран (плюс необходимо учитывать влияние каспийских государств Центральной Азии), ко второй – США, ЕС, Китай, Россия (причем последняя может быть отнесена как к первой группе, так и ко второй).

Ветры с Запада

Говоря о степени влияния глобальных игроков на кавказский регион, следует отметить заметное снижение

вовлеченности США в региональные дела. Уходящая сейчас администрация Б. Обамы в последние годы значительно снизила степень своего политического присутствия там (по сравнению с деятельностью предыдущей администрации Дж. Буша-младшего, объявившего Грузию эпохи М. Саакашвили маяком демократии и наиболее удачным американским проектом как на Большом Кавказе, так и на всем Востоке). Есть все основания полагать, что и новая администрация Д. Трампа не будет делать кавказское направление приоритетным в своей политике (в свете деклараций о сокращении расходной части бюджета, прекращении внешнеполитических авантюр и т.п.).

Очевидно, что Закавказье не уйдет полностью из сферы внимания США, в том числе и потому, что американская политика в отношении Армении и Карабаха находится под пристальным вниманием влиятельного армянского лобби, а политика в отношении Баку оберегается могущественным энергетическим лобби. Споры между лоббистами двух лагерей периодически возникают на трибунах различных представительных органов власти США. Несмотря на это, приоритетом в регионе будет оставаться Грузия, в которую так много вложились предыдущие администрации и которая позиционируется как плацдарм США на Кавказе. Присутствие там американской военной техники, прибывшей на учения, является лишним тому подтверждением.

Важно подчеркнуть, что США не снимают с повестки дня цель расширения НАТО на Восток (в том числе и за счет включения в альянс Грузии). При этом интересы США вступают в некий конфликт с позицией ключевых

членов ЕС, который не считает ни своим приоритетом, ни долгом приблизить Тбилиси и уж тем более наградить его включением в состав альянса. Как мы видим, несмотря на все желание администрации Дж. Буша-младшего и затем определенных представителей команды Б. Обамы, Грузия так и не вошла в альянс (и фактически не сильно продвинулась на этом пути).

Заметим, что США не заинтересованы в том, чтобы давать военные гарантии Грузии на фоне незакрытого вопроса о границах Грузии и существующего спора о статусе Абхазии и Южной Осетии. Тем не менее это важное обстоятельство может быть забыто в случае дальнейшего обострения российско-американских отношений, и тогда Вашингтон может продать расширение альянса как еще один шаг по «наказанию» России. Причем это желание может объединить вокруг США тех европейских членов альянса, которые традиционно находятся в антироссийском лагере (в основном страны Восточной Европы и Балтии). Возможно, что предоставление Грузии Плана действий по членству (ПДЧ) в альянсе станет своего рода компромиссом: не предполагая военных гарантий, он в то же время выполнит задачу «наказания России» и символического расширения евроатлантического альянса, за что периодически и выступают американские представители.

Значение Закавказья сокращается и во внешней политике Евросоюза. Кризис 2008 г. и последующие события продемонстрировали явный дефицит у Брюсселя ресурсов для влияния там. Это связано в первую очередь с давней системной слабостью Брюсселя в кавказском регионе. Декларируемая уже давно политика Восточного партнер-

ства дала весьма скромные результаты. Армения очутилась в Евразийском союзе, Азербайджан тоже не рассматривает вопрос о подписании соглашения об ассоциации с ЕС. Единственной республикой, пошедшей на заключение договора об ассоциации, является Грузия, что стало следствием ее собственного активного стремления в европейском направлении.

Очевидно, что эта давняя слабость на кавказском направлении будет толкать (и уже толкает) европейскую бюрократию к ведомому состоянию, когда собственную политическую линию она увязывает с перспективой расширения НАТО, к чему европейцев уже давно подталкивает часть американского истеблишмента (что явно видно в последние годы в отношении как Украины, так и Грузии).

С другой стороны, серьезные внутренние трудности (если не сказать – кризис) и отсутствие силового инструментария во внешнеполитической активности вынуждают руководство ЕС действовать и двигаться фактически в противоположную от американцев сторону: вместо того чтобы оспаривать сложившийся после 2008 года статус-кво в Закавказье, оно медленно склоняется в сторону его фактического признания.

Традиционный игрок

Россия по-прежнему является одним из наиболее влиятельных и сильных игроков в регионе, но ее влияние носит определенную фрагментарность, так как отношения с закавказскими республиками находятся на совершенно разном уровне развития и сотрудничества: если взаимоотношения с Ереваном носят характер стратегического

партнерства и, несмотря на некоторые взаимные претензии, сохраняются на стабильно высоком уровне, то с Баку они находятся на уровне добрососедских, а с Тбилиси – нет даже дипломатических отношений.

Показательно, что помимо ряда двусторонних соглашений Армения состоит еще и в блоковых организациях, фактически возглавляемых Россией. Серьезное российское присутствие в армянской жизни и экономике отлично иллюстрируется как наличием российской военной базы (срок пребывания которой был продлен до 2044 г.)¹, так и уровнем российских инвестиций и денежных переводов из России. Последняя является главнейшим направлением отъезда граждан Армении, которые зачастую уезжают на учебу или на заработки.

Отношения с Баку находятся на уровне добрососедских, и Азербайджан является одним из важных торгово-экономических партнеров Москвы. Кроме того, именно Баку стал одним из переговорных мостиков в ходе разблокировки забуксовавших российско-турецких отношений и способствовал достижению компромисса между Москвой и Анкарой.

Понятно, что на фоне регулярных и качественно высоких контактов с Ереваном и Баку взаимоотношения с Тбилиси пребывают на весьма невысоком уровне. Можно только ограничиться констатацией того, что между странами до сих пор отсутствуют дипломатические отношения и в ближнесрочной перспективе никаких изменений не намечается. Определенная нормализация, бесспорно, была проведена

в 2013–2016 гг., однако она имеет свои заметные «красные линии», за которые стороны заходить пока не хотят, да и в принципе не могут².

Наиболее широкое российское присутствие по понятным причинам имеется в таких республиках, как Абхазия и Южная Осетия. Россия выступает гарантом их безопасности и главным финансовым донором, ежегодно выделяя на их восстановление и развитие социально-экономического блока по несколько миллиардов рублей³. Помимо этого, российское правительство оказывает и другую самую разнообразную помощь Сухуму и Цхинвалу, начиная от выплаты пенсий и заканчивая ежегодно выделяемыми квотами на получение образования в ведущих вузах страны. С обеими республиками подписано несколько десятков соглашений, которые закрепили формат союзнических отношений между ними и Москвой.

Восточные соседи

На фоне снижения активности глобальных игроков в Закавказье в последние годы там заметно выросли роль и влияние крупных региональных сил – Ирана и прежде всего Турции. Анкара по-прежнему является одним из ключевых игроков в регионе, она оказывает заметное влияние на Тбилиси и Баку, периодически демонстрируя публичную поддержку президенту Азербайджана И. Алиеву. Фактор мощной поддержки Анкары представляется одним из ключевых в ходе принятия Алиевым решения о начале наступления

¹ Россия и Армения подписали протокол о пребывании базы ВС РФ в Гюмри. 20.08.2010// <https://ria.ru/politics/20100820/267182452.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

² Подробнее см. в статье В. Муханова и А. Скакова «Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений» в этом же номере.

³ Россия вдвое увеличит финансовую помощь Абхазии. 30.10.2015 // <http://www.rbc.ru/politics/30/10/2015/5630d25b9a79471805d87725> (Дата обращения: 15.11.2016).

тельной операции в Карабахе. Тесные турецко-азербайджанские отношения (которые периодически прикрываются популистским лозунгом «Две страны – одна нация») играют заметную роль в развитии ситуации в кавказском регионе, периодически стимулируя рост напряженности, как, например, в апреле 2016 года.

Однако внутривосточный кризис в самой Турции, атаки на позиции Эрдогана и его команды, крайне непростая ситуация в Сирии и обострение курдского вопроса не позволяют Анкаре сконцентрировать свое внимание на кавказском регионе. Маловероятна и сильная активизация Ирана, хотя заметная нормализация отношений Тегерана и Вашингтона стимулирует расширение влияния и усиление присутствия первого в Закавказье. На сегодняшний день главные интересы Ирана в регионе сконцентрированы на реализации проектов развития транспортных коммуникаций, что будет способствовать скорейшему выходу Тегерана из режима международной изоляции и восстановлению его позиций в мировой экономической системе.

Кавказский гордиев узел

На фоне остывания интереса мировых лидеров и крупных региональных игроков к Закавказью происходит определенное возвращение региона на исторически присущую ему позицию периферии. Процесс его периферизации характеризуется снижением влияния внешних акторов и возрастанием роли внутренних факторов общей нестабильности. Под этим, в первую очередь, имеются в виду неурегулированные конфликты, внутренняя весьма нестабильная политическая и социаль-

но-экономическая ситуация, а также часто провокационное поведение местных элит.

Повторимся, что вызовы стабильности в Закавказье имеют в настоящее время именно внутривосточную природу, и влияние внешних факторов представляется вторичным. Бесспорно, что наличие в регионе нескольких конфликтных зон, находящихся в разной стадии рецессии, усугубляет раскол и не способствует росту инвестиционной привлекательности региона.

Помимо вопросов безопасности, социально-экономического развития и политической стабильности, еще одной важной темой является транзит или система коммуникаций в регионе. Фактор наличия неурегулированных конфликтов довлеет над полномасштабным развитием коммуникаций, фактически заморозив некоторые из них. На сегодняшний момент не работает в полном объеме как грузино-абхазская граница, так и грузино-южноосетинская (более того, их не признает официальный Тбилиси, что ставит крест как на прозрачной приграничной торговле, так и на закавказском транзите).

Вопрос о возобновлении транспортного сообщения через Абхазию, которое может связать для начала Россию и Армению, так и не решен. Карабахский конфликт и отсутствие дипломатических отношений между Ереваном и Баку привели к деградации сети коммуникаций в регионе, значительно сократив ее масштабы. Это повлияло и на закрытие армяно-турецкой границы. Таким образом, еще две пограничные линии не работают – армяно-азербайджанская и армяно-турецкая.

Полномасштабный закавказский транзит работает только в одном направлении, в самом классическом – от

Каспия до Черного моря (наиболее известные трубопроводы – Баку – Тбилиси – Джейхан, Баку – Тбилиси – Карс). Напомним, что это направление заработало более ста лет назад, когда в 1908 г., еще во времена Российской империи, был запущен керосинопровод Баку – Батум.

* * *

Если серьезная дестабилизация на границах Грузии с Абхазией и Южной Осетией крайне маловероятна (так как две маленькие республики после признания получили твердые гарантии своей безопасности от России, а наличие военных баз и российских пограничников, охраняющих границу, позволяет населению Абхазии и Южной Осетии чувствовать себя уверенно и спокойно), то ситуация в Карабахе представляется диаметрально противоположной.

Вслед за периодическими обострениями, вспыхивающими раз в несколько лет, в апреле текущего года полыхнула полномасштабная война с применением тяжелого вооружения и многих военно-технических новинок (включая БПЛА). Развязывание азербайджанской стороной боевых действий привело к нескольким дням интенсивных боев и взаимным потерям с трехзначными цифрами (как среди военнослужащих, так и мирного населения).

Подчеркнем, что беспрецедентное обострение в Карабахе оказало серьезное влияние как на ситуацию в регионе, так и на позиции ведущих игроков там. Однозначно можно говорить о психологической и политической победе Азербайджана, который сумел маргинализировать миротворческий процесс, а также об определенном успехе Турции, поддерживавшей эту игру в регионе, входящем в сферу российских интере-

сов. Бесспорно, что данное обострение стало результатом запланированной Баку военной операции для зондажа военно-технической мощи Армении, боеготовности самого Карабаха и реакции международного сообщества, в первую очередь России как главного союзника Армении. Статус-кво в зоне конфликта нарушен, и нет гарантий, что не будет нового, более тяжелого обострения в ближнесрочной перспективе.

Отметим, что данное обострение представляется крайне невыгодным для Москвы и уже имеет серьезные последствия. Во-первых, апрельская война вызвала заметный рост антироссийских настроений как в Азербайджане, так и в Армении. В одной республике обвиняли и обвиняют Москву в поддержке «оккупанта» и врага, говоря, что именно она затягивает «справедливое разрешение» конфликта, в другой – обвиняют Россию в продажах современного оружия, которое и било по Карабаху, убивая мирных жителей и солдат армии обороны НКР. Армянская элита и интеллигенция открыто обвиняют российскую сторону в предательстве и политике двойных стандартов. Практически все рисуют одну простую и понятную картину: Азербайджан имеет постоянную поддержку Турции, которая не скрывает своих приоритетов, а Россия, имея на Кавказе единственного союзника – Армению, за ее спиной продает оружие ее главному противнику. Во-вторых, эта ситуация в период российско-турецкого охлаждения сыграла на руку Анкаре, которая создала проблемы для Москвы и одновременно предложила помощь в урегулировании, оказав определенное давление на Баку.

В-третьих, азербайджанский удар застал армянскую сторону врасплох,

и это вызвало определенную панику. На то, что сработал фактор внезапности, прямо указывает трехзначный размер потерь. Баку в последние годы явно пытался продемонстрировать, что его милитаристская риторика базируется на мощном фундаменте, и это не просто бряцание оружием. Сейчас можно признать, что нынешний режим в Баку получил дополнительную легитимизацию своей власти и политической линии, смог консолидировать нацию на фоне серьезного социально-экономического кризиса в стране.

В-четвертых, это серьезный удар по ОДКБ – детищу Москвы. В настоящее время там нет никакого единства, и организация трещит по швам. Следовательно, это дополнительный удар по России и ее политике на постсоветском пространстве. Сейчас становится очевидным, что реальную помощь Армении может оказать только Россия, да и то без полной гарантии. Таким образом, для Еревана имеют первостепенную ценность именно двусторонние договоренности с Москвой, а не членство в различных объединительных организациях на постсоветском пространстве. В-пятых, поставлена под вопрос ведущая роль России как миротворца и посредника и в регионе, и на постсоветском пространстве, что выгодно Турции, ЕС и США. Россию подталкивают к более активной и жесткой позиции, что фактически ограничивает для Москвы размах маневра на Кавказе. Таким образом, любое крупное обострение в зоне конфликта и дальнейшее изменение расклада сил там будут ударом именно по роли и месту России в регионе и крайне негативно скажутся на ее политической линии.

Повторимся, что апрельская война позволяет говорить об окончательном

нарушении статус-кво и о высокой вероятности новых обострений в зоне карабахского конфликта, являющегося краеугольным камнем в современной идеологии как Азербайджана, так и Армении. Этот конфликтный узел по-прежнему оказывает серьезное деструктивное влияние как на развитие ситуации в кавказском регионе, так и на внутривнутриполитическую и социально-экономическую ситуацию в двух конфликтующих республиках.

Эскалация напряженности вокруг Карабаха не спадает. Продолжаются ежедневные обстрелы, причем регулярно фиксируется применение не только стрелкового оружия, но также гранатометов и минометов. Высокий уровень напряженности поддерживается или, если угодно, прямо подпитывается последними известиями, например, о проведении Ереваном и Баку военных парадов или учений. С одной стороны, в сентябре в армянской столице прошел военный парад с демонстрацией всех современных видов военной техники (включая новейшие российские образцы)⁴, с другой, широко освещались крупномасштабные военные учения в Азербайджане, проведенные в середине ноября⁵.

Процессы внутреннего сгорания

Подчеркнем, что в свете очевидного снижения интереса и внимания со стороны мировых игроков возрастает влияние на ситуацию именно внутренних факторов развития как в Армении и Азербайджане, так и в Грузии.

⁴ На военном параде в Армении представили комплексы «Искандер» и РСЗО «Смерч». 21.09.2016 // <https://ria.ru/world/20160921/1477483989.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

⁵ В Азербайджане начались крупномасштабные военные учения. 12.11.2016 // <https://ria.ru/world/20161112/1481228402.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

Современная ситуация в Армении и вокруг нее – это яркий пример взаимовлияния, так как карабахский конфликт оказывает самое серьезное воздействие на социально-политическую ситуацию в самой Армении и наоборот.

Апрельская война привела к серьезной перетасовке в силовом блоке, к резкому росту критики правительственного курса и антиправительственным протестам, что, в свою очередь, обнажило слабость нынешней политической власти в Армении, ее неповоротливость и низкую маневренность.

Нерешительность власти, даже растерянность, наглядно продемонстрировала ситуация с «Сасна Црер»⁶. Ответ властей на фактически военный мятеж был крайне запоздалым, т.к. они понимали, что имеют дело с массовым недовольством населения как определенной негативной реакцией на явную неготовность армянской стороны к наступлению противника. Во многом это стало последствием серьезного шока у населения, не готового к такому маленькому, но болезненному поражению от Азербайджана. Вера в неприступность Карабаха и непобедимость армянской армии, да и всей армянской политики в этом вопросе оказалась подорвана и поставлена под сомнение.

Под острую критику попала правительственная команда во главе с Сержем Саргсяном, которой прощалось многое ради Карабаха. Тем более что в течение всего последнего года в Армении наблюдалось массовое недовольство населения, выливавшееся несколько раз в мощные антиправительственные выступления.

Рост недовольства базировался исключительно на невнятной государ-

ственной политике в социальной сфере и стал ответом населения на повышение тарифов на потребление электроэнергии. Ереван и другие города сотрясли массовые акции протеста. Власти вынуждены были скорректировать свою линию, пойдя на ряд послаблений и отдельные компенсации, что позволило сбить накал протеста. Однако вслед за этой встряской в начале текущего года произошли волнения в апреле.

* * *

Очевидно, что весьма непростая экономическая ситуация в Армении и Грузии на фоне экономической стагнации в России и ЕС способствует росту социального недовольства в этих странах. Трудность для Грузии заключается в том, что прежние источники покрытия большого дефицита торгового и платежного баланса близки к исчерпанию, как и средства для поддержания на плаву национальной экономики. Программа помощи Брюссельской конференции доноров, эквивалентная трети ВВП Грузии, которая и спасла грузинскую экономику от негативных последствий конфликта 2008 года и глобального экономического кризиса, завершилась еще до смены власти в стране (т.е. до победы Б. Иванишвили). Грузия вряд ли может рассчитывать на повторное выделение аналогичных сумм европейскими структурами.

Одной из основных статей поступления по-прежнему остаются денежные переводы из сопредельных стран, в первую очередь из России⁷. Однако трудно ожидать их роста в период за-

⁶ «Сасна црер» и Карабахское урегулирование. 23.08.2016. <https://regnum.ru/news/polit/2170040.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

⁷ Россия лидирует по объему денежных переводов в Грузию. 26.09.2016. <http://sputnik-georgia.ru/economy/20160926/233301995/Rossija-lidiruet-po-obemu-denezhnyh-perevodov-v-Gruziju.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

тяжких экономических трудностей, как в Европе, так и в России.

При этом отметим, что экономическая ситуация в Грузии в последние два года далека от стабильной. Падение курса лари к доллару, начавшееся в конце 2014 г., продолжается. Одновременно происходит сокращение прямых иностранных инвестиций в грузинскую экономику (по итогам трех кварталов 2015 г. они снизились на 17% по сравнению с аналогичным периодом 2014 г.)⁸. Бюджет на текущий год принят с дефицитом в 3%, основной статьей его расходной части является здравоохранение – 31,2%. Именно с этим, по оценке политолога Николая Силаева, «связаны основные риски бюджетной системы. В прошлом году, по оценке МВФ, расходы на здравоохранение сильно превысили запланированные. Реформа отрасли, проведенная правительством "Грузинской мечты", компенсировала последствия политики прежних властей, когда введение платной медицины привело к росту смертности. Однако введение бесплатной медицинской страховки для всех граждан Грузии возложило большое бремя на ее бюджет. Возможные новые внешние шоки, например, усугубление экономических трудностей в России и Азербайджане и связанное с ними сокращение доходов от экспорта, переводов, иностранных инвестиций, могут создать угрозы для бюджетной стабильности в Грузии» [Силаев Н.Ю., 2016: 98].

Характерной особенностью текущего политического периода в Грузии представляется явная неспособность нынешнего правительственного ка-

бинета привлечь крупные внешние инвестиции. Правительство сидит на значительной финансовой поддержке со стороны бывшего премьера Б. Иванишвили. Последний вложил огромные средства в несколько фондов, которые позволяют на минимальном уровне стимулировать развитие основных сфер – промышленности и сельского хозяйства. Причем по-прежнему многими экспертами признается инвестиционная привлекательность только двух основополагающих отраслей экономики Грузии – туризма и сельского хозяйства. Помимо них, определенный интерес вызывает еще одна отрасль – энергетика.

Экономического роста в Грузии не наблюдается, при этом растет зависимость грузинской экономики от внешних факторов, в первую очередь от иностранных вливаний и соседних рынков. Россия вернулась в тройку крупнейших инвесторов Грузии и главных торговых партнеров⁹. К примеру, инвестиции из России в 2014 г. составили около 82 млн долларов США¹⁰, в 2015 г. зафиксировано падение – до 48,6 млн¹¹.

По-прежнему важнейшим фактором развития грузинской экономики являются денежные переводы (около 2 млрд долл. США ежегодно). Помимо этого, основными направлениями экономической активности остаются перевозки и транзит. Подъем сельскохозяйственных отраслей идет крайне медленно и тяжело (в первую очередь за счет винодельческой отрасли), одна-

⁸ Денежные переводы в Грузию снизились на 26% в январе – августе 2015 г. 17.12.2015 // <http://sputnik-georgia.ru/economy/20151217/229498681.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

⁹ Вино, минералка, ферросплавы – главные товары экспорта Грузии в РФ. 20.08.2016 // <http://sputnik-georgia.ru/economy/20160820/233038888.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

¹⁰ Прямые иностранные инвестиции в Грузию достигли \$1758 млн. 17.08.2015 // <https://regnum.ru/news/economy/1952776.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

¹¹ Азербайджан является крупнейшим инвестором Грузии. 16.08.2016 // <http://sputnik-georgia.ru/economy/20160816/232996986.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

ко падение курсов лари и рубля сильно бьет по представителям этой отрасли.

* * *

Бесспорно, что на фоне Грузии и Армении экономическое положение Азербайджана выглядит лучше, однако он критически зависим от экспорта углеводородов, который занимает около 40% в его ВВП – рекордный показатель среди стран-экспортеров нефти и газа. По многим прогнозам, исчерпание азербайджанских месторождений начнется уже в ближайшие два-три года, т.е. в любом случае до 2020 г. При этом политика Баку по диверсификации национальной экономики и снижению общей зависимости от нефтегазового сектора пока не дает ощутимых результатов. Не может похвастаться Баку и значительным экономическим ростом, который фиксировался в 2000-е гг.

Сегодня президент И. Алиев судорожно ищет внутривнутриполитическую повестку на фоне заметного ухудшения социально-экономической ситуации в республике. Снижение цен на нефть сильно ударило по благосостоянию Азербайджана, а главное – по его элите. Эффект от снижения цен на энергоресурсы накладывается на другой ключевой тренд в добывающей отрасли – начавшееся постепенное снижение объемов нефтедобычи.

К весне 2016 г. можно было зафиксировать трехкратное падение цен на нефть по сравнению с 2014 г., когда баррель марки Brent стоил около 120 долл. США. В апреле прошедшего года благополучным вариантом считалась цена в районе 40 долл. Таким образом, бюджетный дефицит ожидал Азербайджан второй год подряд. Согласно принятому закону о госбюджете

на текущий год доходы прогнозировались на уровне 14,5 млрд манатов, а расходы – примерно 16,3 млрд¹². Понятно, почему было принято решение о внесении изменений в основной финансовый документ республики, т.к. на текущий год цена заложена на уровне 50 долл. В прошлом году просчет оказался катастрофическим: цена в бюджет закладывалась на уровне 90 долл.

В результате принятых поправок в закон о госбюджете Азербайджана, базировавшийся на снижении прогнозной планки цены на нефть с 50 до 25 долларов США за баррель, «доходы уточненного сводного бюджета Азербайджана на 2016 год ожидаются на уровне 15,738 миллиарда манатов, что на 5,9% меньше предыдущей версии бюджета. Расходы сводного бюджета, напротив, увеличены на 23,1%, или 4,6 миллиарда манатов, и составят 24 567 миллиарда манатов. После переоценки дефицит сводного бюджета составит 8828 миллиарда манатов, дефицит без учета доходов ГНФАР – 12 309 миллиарда манатов»¹³.

В 2016 году тенденция общего падения экономических показателей продолжалась, ярко демонстрируя сложность сложившейся в Азербайджане ситуации. В частности, с января по сентябрь ВВП снизился, по данным Госкомстата республики, на 3,9%¹⁴, упала и нефтедобыча (за указанный период государственная нефтекомпания Азербайджана извлекла 5 млн 675,8 тыс. тонн нефти, что на 8,7% меньше, чем за

¹² Опубликован полный текст государственного бюджета на 2016 г. 30.12.2015 // <http://www.1news.az/chronicle/20151230034120599.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

¹³ Бюджет Азербайджана пересмотрен, увеличены доходы и расходы казны. 23.03.2016 // <http://ru.sputnik.az/economy/20160223/403883127.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

¹⁴ ВВП Азербайджана снизился почти на 4%. 17.10.2016 // <http://www.1news.az/economy/20161017011117256.html>. (Дата обращения: 15.11.2016).

аналогичный период прошлого года)¹⁵. Серьезно сократились и валютные резервы Национального банка Азербайджана: по состоянию на октябрь года они составляли чуть более 4 млрд долларов США, что втрое меньше уровня 2014 года.

Первым ощутимым результатом подобного изменения конъюнктуры стала болезненная для большинства населения девальвация национальной валюты. Известный эксперт по Кавказу Томас де Ваал обращает внимание на то обстоятельство, что «в 2015 году азербайджанский манат стремительно упал во второй раз – уже после того, как на поддержку курса национальной валюты было потрачено \$8 млрд, и после многократных заверений в стабильности этой валюты. Для азербайджанцев это стало настоящим бедствием»¹⁶ (за прошлый год манат подешевел более чем в два раза). Всего, по экспертным подсчетам, на поддержание его курса и стабильности банковской системы в стране правительством было потрачено свыше 11 млрд долларов США. Последствием нескольких волн девальваций маната стали закрытие банков и массовые увольнения банковских служащих. В ближайшем будущем ожидается увеличение числа уволенных до 10 тыс. чел. В ноябре 2016 года за американский доллар давали уже 1,7 и более маната. Некоторые азербайджанские экономисты советуют настроиться на дальнейшее серьезное падение курса нацвалюты.

Финансовый крах, связанный с гигантской инфляцией и резким падением курса маната, привел к росту протестных настроений, которые уже вылились

в несколько выступлений и массовые беспорядки, в том числе в столичных пригородах. Томас де Ваал справедливо подчеркивает, что «обвал маната прежде всего ударил по азербайджанскому среднему классу, который привык брать кредиты в долларах и потреблять импортные товары. Но пострадали и более бедные жители провинции: цены на муку и другие базовые товары резко выросли»¹⁷. Однозначно произошел серьезный рост стоимости потребительской корзины, его увеличение реально в течение ближайших месяцев на фоне дальнейшего ослабления маната.

Весьма вероятны новые протесты в республике, тем более на фоне уже объявленного очередного повышения тарифов на ЖКУ с января 2017 г. (на газ и на электроэнергию), а также утвержденного роста цен на лекарства (что будет особенно остро в связи с тем, что Азербайджан закупает за границей 95% всех лекарственных средств)¹⁸.

В связи с ухудшением ситуации и приближением выборов произошла частичная чистка аппарата. Например, со своего поста ушел глава крупнейшего в республике банка – Международного банка Азербайджана – Джахангир Гаджиев (в конце 2015 г. арестован, ведется следствие). Отметим, что это банк с преобладающим государственным участием, в ближайшее время возможна его приватизация. Наиболее крупным событием 2015 года стала отставка главы МНБ Эльдара Махмудова, помимо него потерял посты целый ряд высокопоставленных офицеров госбезопасности республики. Практически все обвинены в коррупции и вымогательстве. Также лишился своего поста

¹⁵ SOCAR в январе-сентябре сократила добычу нефти на 9%. 21.10.2016 // http://www.nefterynok.info/news.php?news_id=20412. (Дата обращения: 15.11.2016).

¹⁶ Томас де Ваал. Азербайджан-2016: все слагаемые для идеального шторма // <http://carnegie.ru/2016/01/26/rupub-62571> (Дата обращения: 15.11.2016).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Азербайджан: повышение цен уже не остановить // <https://easaily.com/ru/news/2016/11/29/azerbaydzhane-povysheniye-cen-uzhe-ne-ostanovit>. (Дата обращения: 02.12.2016).

министр связи и высоких технологий Али Аббасов.

Эти отставки стали очередным проявлением закулисной борьбы между двумя влиятельными кланами – Пашаевыми и Гейдаровыми. По некоторым экспертным оценкам, освободившиеся места заняты ставленниками Пашаевых, что усиливает их позиции в ходе дальнейшей борьбы за власть в республике. Однако серьезного кадрового запаса у И. Алиева нет, и он должен лавировать, соблюдая при назначениях интересы главных семей, поэтому любые перестановки происходят неожиданно и практически без публичных поводов (решение принимается кулуарно, после совещаний с ближайшими родственниками Алиевыми и Пашаевыми, а также с главой президентской администрации Рамизом Мехтиевым, заслуженно называемым «серым кардиналом» азербайджанской политики). По справедливому замечанию Т. де Ваала, Ильхам Алиев «выступает не в качестве абсолютного монарха, а скорее в роли первого среди равных, арбитра, разрешающего споры между высшими чиновниками, многие из которых одновременно стали успешными госкапиталистами»¹⁹.

В прошлом году началось определенное заигрывание с Западом. И. Алиев, находясь под постоянной критикой по вопросу соблюдения прав человека, стал выпускать политзаключенных (яркий пример – освобождение из-под стражи в конце 2015 г. четы Юнусовых, а в сентябре 2016 г. – известного журналиста Рауфа Миркадырова, обвиненного в шпионаже в пользу Армении)²⁰. Крайне вероятно, что осталь-

ных знаковых политзаключенных он прибережет для дальнейшей торговли с Западом и по мере необходимости будет постепенно выпускать в качестве жестов доброй воли. Между тем Баку по-прежнему находится под жесткой критикой авторитетных международных правозащитных организаций. В частности, Freedom House выпустила уже несколько докладов, в которых подчеркивался растущий уровень нарушений прав человека в Азербайджане. Глава этой известной организации Д. Калингаэрт заявил, что «президент Ильхам Алиев ответственен за ужасающее положение с правами человека, необоснованные аресты оппозиционеров и активистов гражданского общества, а также за подавление политического инакомыслия за последние 10 лет». Алиев, по словам главы FH, находится у власти благодаря фиктивным выборам, тогда как члены его семьи продолжают обогащаться, пользуясь своим исключительным положением в республике. Осенью 2016 г. Калингаэрт публично подтвердил, что возглавляемая им организация продолжит привлекать внимание международной общественности к проблемам нарушения прав человека азербайджанскими властями. В ответ FH была обвинена первым лицом Азербайджана в предвзятости и «проармянской позиции»²¹.

Весьма вероятно, что все вышеперечисленные факторы и повлияли на принятие решения о начале наступательной операции в Карабахе в апреле 2016 г. Бесспорно, что на фоне ухудшения внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в республике и роста протестных настроений

¹⁹ Томас де Ваал. Азербайджан-2016: все слагаемые для идеального шторма // <http://carnegie.ru/2016/01/26/tu-pub-62571> (Дата обращения: 15.11.2016).

²⁰ В настоящее время в Азербайджане насчитывается свыше 150 политзаключенных.

²¹ Ответ Ильхаму Алиеву от «Freedom House» от 22 сентября 2016 г. // <http://www.radioazadlyg.org/a/fh-ilham-aliyev-azerbaycanda-insan-haqlarini-dehshetli-durum-salib/28006068.html> (Дата обращения – 15.11.2016).

маленькая война стала бы тем самым громоотводом, куда можно направить все силы и мысли населения. Демонстрация внешнего врага – это старый и проверенный способ консолидации нации, что и сделал И. Алиев весной 2016 года. Вспышка патриотических настроений и волна добровольцев, желающих поехать на фронт воевать с армянами, стали лучшим подтверждением правильности сделанного азербайджанским лидером выбора. Захват небольшого куска территории на линии соприкосновения нивелировал все понесенные потери, продемонстрировав населению наличие сильного лидера. Скромность территориальных приобретений мало кого смущала, главное, что И. Алиев смог фактически обойти своего отца и принести республике победу над врагом, пусть и маленькую.

Нельзя исключать сценарий, при котором в случае дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации и роста антиправительственных настроений И. Алиеву придется для консолидации нации вновь решиться на проведение локальной операции в Карабахе. Это может случиться в преддверии досрочных президентских выборов или принятия новых непопулярных решений, которые уже сейчас вызывают острую негативную реакцию населения.

Букет Абхазии и единство Осетии

Заметим, что для подавляющего большинства населения и даже экспертов Абхазия и Южная Осетия идут в одной психологической связке, поэтому и их проблемы представляются одинаковыми, хотя при ближайшем рассмотрении выясняются их различие

и специфические особенности. Роднит Абхазию и Осетию то, что их появление на политической карте является результатом распада Советского Союза и процесса суверенизации бывшей Грузинской ССР, а также прямым последствием конфликтов с участием Грузии.

Дальнейшее же рассмотрение как политического, так и социально-экономического направлений показывает серьезную, если не кардинальную, разницу между этими республиками. Начнем с политических аспектов: если Абхазия стремится к построению собственного государственного проекта, пусть и в союзе с Россией, то в Южной Осетии нет единой точки зрения относительно своего будущего. Для одной части южноосетинского общества и элиты закономерным итогом могло бы стать создание собственного государства по образцу Абхазии, для другой (к которой принадлежит подавляющее большинство) – желаемым результатом является воссоединение с РФ (причем одна группа считает возможным вхождение в состав России в качестве отдельного субъекта, тогда как другая настаивает на объединении с уже существующим субъектом РФ на Северном Кавказе – Республикой Северная Осетия-Алания) [Муханов В.М., Новиков В.В., 2015: 49-50].

Существующая разница наблюдается как в советском наследии, так и в географическом и экономическом положении. Абхазия – это приморская курортная зона, имевшая в советское время значительный потенциал внутреннего развития (береговая зона протяженностью 220 км). Несмотря на отсутствие отношений с Грузией и полузакрытую границу с ней, Абхазия, в отличие от Южной Осетии, имеет определенную сеть коммуникаций,

связывающую ее в первую очередь с Москвой и Стамбулом. Есть железнодорожная магистраль, протянувшаяся через всю республику – от платформы Псоу (на российско-абхазской границе) до Ингура (на границе с Грузией). В настоящее время функционирует только часть пути – от Псоу до Сухума (он подключен к российской железнодорожной сети, и есть возможность прямо из Москвы без пересадок добраться до абхазской столицы). Основной вид транспорта в республике – автомобильный. Еще одним потенциальным видом транспорта может стать авиационный, т.к. в Абхазии расположен Сухумский аэропорт им. В.Г. Ардзинбы, который представляется весьма перспективным объектом для восстановления и регулярной эксплуатации (25 км от Сухума; протяженность взлетно-посадочной полосы – 3,6 км) [Муханов В.М., Новиков В.В., 2015: 51].

Если аэропорт и его инфраструктуру нужно еще серьезно восстанавливать перед началом эксплуатации, то морские порты республики, несмотря на понесенный ущерб в ходе войны, уже давно используются и могут быть названы отдушиной для Абхазии (т.к. именно через них в блокадный период шли столь нужные поставки продовольствия и всего необходимого). Также республика обладает широким набором гидро- и лесных ресурсов, имеет солидный земельный фонд (к которому важным добавлением является высокая плодородность почв) и хорошо обеспечена электроэнергией. Таким образом, несмотря на существенный ущерб, причиненный войной, Абхазия имеет серьезный неистраченный потенциал внутреннего развития, который может стать основой для будущего экономического роста в случае прове-

дения ряда системных управленческих реформ, направленных на усиление роли и присутствия государства в жизни местного сообщества.

Ситуация в Южной Осетии гораздо более тяжелая, чем в Абхазии. Республика связана с внешним миром только Транскавказской магистралью, проходящей через Рокский тоннель. Незначительные размеры республики и малочисленное население вкуче с тяжелой разрухой после вооруженных конфликтов 1991–1992, 2004 и 2008 гг. (и тотальной зависимостью от России) – все это стало факторами того бедственного положения, в котором находится сейчас Южная Осетия. Вдобавок к вышеперечисленному еще одной важной причиной, бесспорно, стал глубокий политический кризис 2011–2012 гг., связанный с выборами президента республики [Скаков А.Ю., 2014:53–54]. С разобщенностью и непримиримостью нескольких группировок местной элиты здесь совпали грубые политические ошибки, допущенные отдельными московскими чиновниками, стремящимися любой ценой «продать» на выборах нужного себе кандидата. Если бы подобного давления не было, то не возникло бы и жесткой конфликтной ситуации, а так остался крайне неприятный осадок, который негативным образом до сих пор влияет на положение в Южной Осетии.

В итоге за прошедшие с момента тех скандальных президентских выборов четыре года Южная Осетия так и не вышла из состояния социально-экономического и политического кризиса и не перешла на путь устойчивого поступательного развития, вообще не приступив к глубинным преобразованиям как в раздутой системе управления, так и в экономической сфере.

В связи с этим понятно, почему единственным ключевым вопросом в политической повестке остается вопрос присоединения к России (и фактически вся политическая активность на этом поле связана с обсуждением реализации этого вопроса). К примеру, именно на нем построил всю свою предыдущую кампанию спикер парламента Анатолий Бибилов. Сейчас этот ключевой для маленькой республики лозунг перехватил и нынешний ее глава Леонид Тибилов. Это тот вопрос, который можно безболезненно и безбоязненно использовать сколько угодно, так как другие, менее глобальные, а скорее локальные вопросы крайне остро воспринимаются в местном обществе по причине малой активности власти и ее полной зависимости от российской финансовой помощи. Идет банальная перетасовка административных кадров, в политическом поле Южной Осетии действуют одни и те же люди, которые не могут предложить ничего нового.

Если остановиться на социально-экономической сфере, то и в Абхазии, и в Южной Осетии она может быть охарактеризована как весьма плачевная, и причиной тому является глубина сразу нескольких проблем и факторов. Помимо тяжелой войны в 1990-е гг. и длительного периода политико-правовой неопределенности (как минимум до 2008 г.), в этом перечне стоит упомянуть развал старой советской экономической системы, куда Абхазия и Южная Осетия были полностью инкорпорированы, собственно материальный ущерб от вооруженных конфликтов, огромный разрыв в законодательной базе и правоприменении между этими республиками и окружающим их миром, а также фактиче-

ская многолетняя изоляция республик от внешнего мира, которая привела к профессиональной деградации местных управленческих кадров. Говоря о большой зависимости Сухума и Цхинвала от России, среди факторов влияния на социально-экономическое развитие не стоит забывать и о той крайне непрозрачной ситуации, которая сейчас существует в российской управленческой системе.

В последние годы Абхазия и Южная Осетия, вопреки своей географической принадлежности к Закавказью, оказались фактически отрезанными от тех процессов, которые протекают в регионе, другими словами, в определенной изоляции, будучи привязанными к российской политике. В данном случае имеется в виду военно-политическая и экономическая привязка, которая не предполагает физической изоляции, но предельно жестко ограничивает двусторонние взаимоотношения.

При этом приграничная торговля с Грузией идет интенсивно, работают КПП на границах как с Абхазией, так и с Южной Осетией. Жители двух республик, в первую очередь грузинского или мегрельского происхождения, часто посещают Грузию с целью получения медицинской помощи или образования, однако эта группа практически не играет серьезной роли во внутривнутриполитической жизни (более того, в Абхазии значительное число жителей Гальского района в настоящее время лишено абхазского гражданства, процедура выдачи им абхазских паспортов приостановлена, многие выданные паспорта аннулированы).

В отличие от Южной Осетии, где несколько маленьких групп борются исключительно за высшие властные посты и все крутится вокруг единствен-

ного популярного лозунга воссоединения с Россией, в Абхазии в последние три года идет яростная внутривнутриполитическая борьба. В мае 2014 г. на волне массового недовольства был вынужден уйти в отставку президент Александр Анкваб. Ему на смену пришел ранее находившийся в оппозиции Рауль Хаджимба, ставший одним из лидеров массовых протестов, приведших к смене власти. Однако и после его победы на президентских выборах в августе 2014 г. напряжение в абхазском обществе не спало, так как многие завышенные ожидания жителей Абхазии не оправдались (например, значительный рост заработной платы, появление новых рабочих мест и т.п.). Экономический кризис, начавшийся в России, моментально накрыл и Абхазию. При этом представители бывшей власти, разом оказавшиеся в оппозиции, встретили в штыки новый российско-абхазский договор, который, несмотря на бурное обсуждение и критику со стороны ряда известных фигур, был подписан и ратифицирован.

Снижение финансовой помощи со стороны России вкупе с ограниченными собственными ресурсами абхазской стороны привело к резкому сокращению бюджета на 2015 г. и дополнительному урезанию бюджета на 2016 г. Команда Р. Хаджимбы на фоне заметного уменьшения денежных траншей из Москвы пытается стабилизировать положение и сохранить нормальное функционирование госаппарата, одновременно повышая уровень собираемости налогов и сборов. Это еще в 2015 г. позволило увеличить поступления в бюджет более чем на 0,5 млрд руб. [Скаков А.Ю., Новиков В.В., 2015: 119].

Понятно, что постепенное насту-

пление на режим «налоговых каникул», к которому давно привыкло население Абхазии, вряд ли вызовет его положительную реакцию, скорее, наоборот, подстегнет антиправительственную критику, что уже происходило в 2016 г. Следовательно, благодатная почва для протестных действий есть, и нынешняя оппозиция во главе с Асланом Бжания не могла этим не воспользоваться²². Сегодня мы являемся свидетелями нового витка борьбы за власть в Абхазии, и именно она стала ключевым фактором развития ситуации в республике.

Важной особенностью абхазской и южноосетинской политической жизни представляется завышенная персонификация, т.е. традиционная заикленность людей на конкретной фигуре, зависимость от нее и четкая поддержка определенной персоны, а не программы действий (которой зачастую просто нет). Сегодняшняя политическая и экономическая повестка абхазских и южноосетинских властей имеет минимум пересечений с общекавказской. Скорее, наоборот, абхазская и южноосетинская политическая действительность находится в огромной зависимости от российской и даже видоизменяется под воздействием Москвы.

Таким образом, сегодня можно констатировать факт наличия глубоких противоречий как в Закавказье в целом, так и в каждом из государств региона. Его видимое «остывание» не должно создавать ложного впечатления о том, что старые конфликты «перегорают». Они не просто продолжают тлеть: внутренние и внешние трудности,

²² Аслан Бжания: «Это было моей ошибкой» // Эхо Кавказа. 01.12.2015 // <http://www.ekhoavkaz.com/a/27400982.html>. (Дата обращения – 15.11.2016).

с которыми сталкиваются закавказские страны, постоянно угрожают их эскалацией. Это является важным симптомом серьезного вызова. Государства, возникшие по ту сторону Большого Кавказского хребта после 1991 г., до сих пор находятся в поиске оптимальных моделей национального развития. Современные реалии и исторический опыт создают предпосылки для развития региона в рамках некоего единого проекта, что не только способствовало бы его динамичному экономическому росту, но и позволило бы найти приемлемый для всех сторон вариант разрешения застарелых конфликтов. В конечном итоге именно по этому пути некогда пошла Европа, имевшая на своей карте немало горячих точек.

Однако приходится признать, что подобный сценарий пока остается сугубо умозрительным. Закавказские элиты далеки от осознания этой необходимости. Над ними довлеет целый комплекс субъективных и объективных ограничений. Ситуацию усложняет наличие в регионе интересов внешних игроков, которые зачастую разнонаправлены. В настоящий момент на повестке дня стоит более насущная необходимость: предотвратить новый виток внутренних конфликтов в Закавказье.

Библиография

Муханов В.М., Новиков В.В. К вопросу об инвестиционном климате в Абхазии и перспективах его улучшения // Ежегодник ИМИ – 2015 / Гл. ред.

А.А. Орлов. М.: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 1 (11).

Силаев Н.Ю. Грузия в 2015 году. Опыт аналитического обзора // Международная аналитика. 2016. Вып. 2 (16).

Скаков А.Ю. Южная Осетия, 2014 год: навстречу новым испытаниям // Ежегодник ИМИ – 2014 / Гл. ред. А.А. Орлов. М.: МГИМО-Университет, 2014. Вып. 2 (8).

Скаков А.Ю., Новиков В.В. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // Ежегодник ИМИ. Международная политика в меняющемся мире / Гл. ред. А.А. Орлов. М.: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1 (15).

References

Muhanov V.M., Novikov V.V. K voprosu ob investicionnom klimate v Abhazii i perspektivah ego uluchshenija // Ezhegodnik IMI – 2015 / Gl. red. A.A. Orlov. M.: MGIMO-Universitet, 2015. Vyp. 1 (11).

Silaev N.Ju. Gruzija v 2015 godu. Opyt analiticheskogo obzora // Mezhdunarodnaja analitika. 2016. Vyp. 2 (16).

Skakov A.Ju. Juzhnaja Osetija, 2014 god: navstrechu novym ispytaniyam // Ezhegodnik IMI – 2014 / Gl. red. A.A. Orlov. M.: MGIMO-Universitet, 2014. Vyp. 2 (8).

Skakov A.Ju., Novikov V.V. Abhazija v 2015 godu: osnovnye politicheskie i social'no-jekonomicheskie trendy // Ezhegodnik IMI. Mezhdunarodnaja politika v menjajushhemsja mire / Gl. red. A.A. Orlov. M.: MGIMO-Universitet, 2016. Vyp. 1 (15).

Vadim M. MUKHANOV,

Ph.D. in History, Senior Researcher

at the Center for the Caucasian studies and regional security of the Institute for International Studies,

at MGIMO-University; Leading Researcher

at the Institute of World Economy

and International Relations of the Russian Academy of Sciences (RAS)

E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Transcaucasia: Towards a New Explosion?

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-59-76

ABSTRACT. *The article attempts to analyze the current situation in Transcaucasia and identify the main actors, factors of influence and forces that shape the processes of domestic development in a number of republics of the region. The author comes to the conclusion that the region is in a state of “cooldown”, after 25 years of almost continual instability which, in turn, was a source of numerous internal conflicts. However, broad analysis of internal situation in the states of Transcaucasia with the inclusion of foreign influences shows a more complex landscape. Major players, such as the US and Russia, avoid increasing their presence in the region, which opens a wide WINDOW of opportunities for regional powers, such as Turkey and Iran. Against the background of decreasing interest in Transcaucasia by the world leaders, the region is returning to its historical status as a periphery. This process is characterized by a reduction in the influence of foreign actors and a rise in the role of the factors that cause general instability. These include, first and foremost, unresolved conflicts, unstable political, social and economic situation at home and specific political behaviors*

displayed by local elites. The April war of 2016 in Nagorno-Karabakh indicates a violation of the status quo and may lead to a high probability of new clashes in the conflict zone. The war highlighted a complex set of problems faced by Armenia and Azerbaijan in recent years. In both countries, against a backdrop of degrading economies, there is a growing split between the government and the society, as well as tensions within the elites. Similar processes are on the rise in Georgia. The situation in Abkhazia and South Ossetia is somewhat different, as the two countries could be classified as periphery to a periphery, and thus are developing in isolation from the common Caucasian agenda. Nevertheless, these countries also show a complex set of internal contradictions which tend to break out from time to time. This is symptomatic of a serious challenge facing the region. The countries that emerged on the other side of the Caucasus Mountains since 1991 are still searching for optimal models of national development.

KEYWORDS: Caucasus, USA, European Union, Armenia, Georgia, Azerbaijan, Abkhazia, South Ossetia.